
СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛУНЕ В ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Д.С. Трынков

Кафедра немецкого языкознания
Филологический факультет

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена анализу языкового стереотипа луны в языке немецкой поэзии. Стереотипная характеристика верифицируется путем анализа некоторых традиционных поэтических образных средств, что позволяет установить набор устойчивых ассоциативных черт предмета.

Ключевые слова: языковой стереотип, языковая картина мира, воспроизводимость, формульные образные средства, эпитет, метафора.

Понятие «стереотип» приобретает все большую актуальность в современной лингвистике. Функционируя в различных областях знания, данный термин обладает междисциплинарным статусом и получает различную понятийную наполненность в зависимости от того, в методологический аппарат какой науки он входит. Большой вклад в развитие лингвистической трактовки термина внесли концепции стереотипа У. Липпмана, Х. Патнема, У. Квастхофф, Е. Бартминского и В.В. Красных. В лингвистике стереотипизация неотделима от сущности естественного языка, роль которого в формировании видения мира людей, их норм поведения и специфики мышления сегодня все более подчеркивается. Понятие стало активно использоваться для описания языковых реалий, объяснение которых является невозможным в рамках системного лингвистического анализа и методов лингвистической семантики.

Разработка концепции языкового стереотипа получила развитие в рамках польской лингвистической школы. Стереотип понимается как ключ к фиксации национального менталитета, системы ценностей народа и взгляда на мир. В монографии «Языковой образ мира» стереотип определяется Ежи Бартминским как «представление, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как выглядит, действует, как воспринимается человеком, это представление воплощается человеком в языке, доступно через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» [1. С. 15]. Исследователь указывает на то, что «стереотипы являются необходимыми элементами языка и кода культуры» [Там же. С. 165]. Они являются составной частью языковой картины мира, которую можно определить как «некоторый комплекс суждений, более или менее закрепленных в языке, содержащихся в значениях слов или имплицированных этими значениями, которые говорят о признаках и способах существования объектов внеязыкового мира» [Там же. С. 307].

Стереотип имеет двойственную природу. В процессе стереотипизации внеязыковое знание о мире и знание, вербализованное в семантике слов, находятся во взаимодействии, что приводит к возникновению культурно-языкового образа

называемого предмета, который включает стереотипные признаки, с которыми данный предмет ассоциируется в сознании языковой личности.

Согласно Е. Бартминскому, структурно-языковые показатели являются основными в идентификации стереотипных черт, так как язык служит отражением социального знания. Исходя из этого исследование языковых стереотипов в качестве эмпирической базы должно включать анализ способов номинации предметов и внутреннюю форму их значений; семантические дериваты (косвенные, переносные значения слов); семантику сложных слов и словообразовательных дериватов; фразеологию; семантическую структуру сложных предложений (большой исследовательской значимостью обладают сложноподчиненные предложения с придаточным причины и предложения с противительными отношениями, например «Он русский, но...»). Однако Е. Бартминский также указывает на необходимость в текстологическом анализе стереотипных характеристик предмета, аргументируя это тем, что «любой текст представляет собой единицу, которая наряду с индивидуальными, или, как отмечают некоторые исследователи, окказиональными чертами обладает чертами повторяющимися (категориальными и стереотипными)» [Там же. С. 286].

Поэтические тексты, с нашей точки зрения, являются наиболее адекватными для текстологического анализа языкового стереотипа луны, поскольку они характеризуются определенной клишированностью, высокой тематической устойчивостью и воспроизводимостью, что свидетельствует об их большой степени значимости в плане выявления стереотипных черт предмета. Свойство воспроизводимости текстов поэтического жанра, содержащих стереотип луны, достигается как в тематическом плане, так и в плане использования определенного набора традиционных формульных средств выразительности, что имеет принципиальное значение, так как к показателям стереотипизации относится повторяемость характеристики предмета.

На наш взгляд, явление поэтической формульности может свидетельствовать об определенном общезыковом векторе вербализации и фиксации стереотипных признаков, верифицируемых через анализ устойчивой системы тропов. Данное положение восходит к идеям Г.О. Винокура, который подчеркивал, что «поэтический язык не существует без прочных корней в языке реальной действительности» [2. С. 247]. Схожих взглядов придерживается О.Г. Ревзина, которая утверждает, что в языке художественной литературы использование общеупотребительных средств и создание средств индивидуальных протекает по системно заданным правилам [3. С. 138—139]. Среди образных поэтических средств, характеризующих стереотип луны, наибольший интерес представляет изучение формульного эпитета и метафоры.

Анализ сочетаемости существительного «*der Mond*» с прилагательными позволяет выделить два типа характеристик луны, традиционно встречающихся в поэзии.

Первый тип включает внешние характеристики, которые приписываются луне в результате зрительного наблюдения. Языковой материал показал, что существительное «*der Mond*» чаще всего определяется такими привычными и широ-

ко распространенными эпитетами, как «*der helle Mond*», «*der blaße Mond*», «*der bleiche Mond*», «*der fahle Mond*». Таким образом, луна воспринимается прежде всего как светило, которое определяется стереотипными признаками «яркий» и «бледный/блеклый». Данные прилагательные характеризуют, в первую очередь, световые и цветовые характеристики Луны:

*Es ist Abend, es wird Nacht,
der helle Mond hat nun die Macht.*
(Katrín Krieg, «Im Mondschein»)

Steht am Himmel hoch der fahle Mond.
(Jürgen Sesselmann, «Die Nachtschwärmer»)

*Und aus zerrissnen Wolken schaut
Der bleiche Mond hervor.*
(«Das Blutfeld», www.chatcity.de)

*Dicker Nebeldunst drückt den See, die Stadt,
Wie der blasse **Mond** lugt die Sonne matt.*
(Karl Henckell, «Melancholie»)

К зрительным представлениям восходят приписываемые температурные свойства. Луна в большинстве случаев характеризуется сочетаемостью с прилагательным «*kalt*», что свидетельствует о стереотипизации признака «холодный». Издревле луна воспринималась как холодное тело в противовес теплоте солнца:

*Die großen Bäume wandern durch die Nacht
Mit langen Schatten, der hinüber läuft
Ins weiße Herz der Schläfer, die bewacht
Der kalte Mond, der seine Gifte träuft.*
(Georg Heym, «Der ewige Tag»)

Представление о холодной луне, возможно, связано с цветовым восприятием человека. Эпитет «*kalt*», как правило, используется для описания мрачного настроения и атмосферы одиночества.

Наиболее частотными прилагательными, которые характеризуют цвет Луны, являются следующие:

*Der weiße **Mond** am **Himmel** steht,
Dem tageshellen, blauen,
Gleich einem Wölkchen, das vergeht,
Den Maientag zu schauen.*
(Karl Mayer, «Der weiße Mond»)

*Bisweilen schnellt sehr fern ein Schlitten
Und langsam steigt der graue Mond.*
(Georg Trakl, «Im Winter»)

*...drin funkeln die goldnen Sterne,
drin glänzt der **silberne Mond**.*
(Richard Dehmel, «Sehnsucht»)

Сравнение лунного света с серебром имеет стародавнюю традицию. Данная ассоциация получила также отражение в немецком словообразовании, например, в сложном слове «mondversilbert» со значением «посеребрённый лунным светом» и в существительном «das Mondsilber», которое обозначает лунный свет, сравнивая его с серебром. В поэзии встречается сочетание с прилагательным «gelb»:

*...zähle Schaf für Schaf
bis mir der gute, gelbe Mond
die müden Augen schließt.*
(«Sputnik», www.leselupe.de)

Прилагательное «gelb» в сочетании с существительным «der Mond» обладает положительной коннотацией. На это указывает и сочетание с прилагательным «gut». Подобная коннотация, возможно, связана с восприятием желтого цвета как теплого, ср.:

*Von nächtigen geheimnisvollen Gnaden
Mit gelbem warmem Mond und stillem Prangen
Und vieler Schönheit, die vorbeigegangen.*
(Hugo von Hofmannsthal, «Leben»)

Второй тип составляют прилагательные, наделяющие луну и лунный свет субъективными оценочными характеристиками. Они также являются результатом зрительного человеческого восприятия, однако их семантика содержит оценочный компонент. Прилагательные данного типа функционируют в большинстве случаев в поэтическом жанре художественного стиля, являясь главным источником персонификации существительного «der Mond». В качестве наиболее частотных выступают следующие прилагательные:

sanft:

*Sanft im Silberglanze schwebest
Du so still durchs Wolkenmeer...* (обращение к луне)
(Franz Grillparzer, «An den Mond»)

schön:

*Minder reizend, doch schön, wenn du hinter dem Schirm
Regnichter Wolken stehst...* (обращение к луне)
(Ludwig Christoph Heinrich Hölty, «Hymnus an den Mond»)

gut:

*Der gute Mond grinst wohlgesinnt
Mit philiströsen Mienen.*
(Hermann Löns, «Stille»)

lieb:

*Und drüben ging, eh' wir's gedacht,
Der liebe Mond schon auf.*
(August Heinrich Hoffmann von Fallersleben, «Der liebe Mond»)

süß:

*Süßer Mond, mit deinen Strahlen,
scheuchest du das nächt'ge Grauen.*
(Heinrich Heine, «Süßer Mond»)

freundlich:

Er leuchtet freundlich mir statt aller Kerzen...
(Charlotte von Ahlefeld, «Dora's Abendlied»)

hold:

Auch bist du's wert, mein sanfter, holder, lieber... (обращение к луне)
(Gottfried August **Bürger**, «Auch ein Lied an den lieben Mond»)

keusch:

Wie der Mond, der keusche Freier, mit der Venus scherzen kann...
(Wilhelm Müller, «Venus am Himmel»)

Эпитеты «rein» и «mild» в большинстве случаев тяготеют к характеристике лунного света, а не самого светила:

*Ströme deinen Segensquell
Hin auf ihr Gemüth,
Das so lieblich, rein und hell
Wie dein Antlitz blüht.*
(Max Schenkendorf, «An den Mond»)

Holdes Mondlicht! Mildes Leuchten!
(Arnold Schlönbach, «Mondes Liebe»)

Как показывают примеры, лунный свет также обладает положительной коннотацией. В немецкой поэзии в процессе метафоризации он сравнивается с благословением. Данная метафора носит традиционный характер.

В поэзии отмечается использование формульного эпитета «kahl». Тем самым Луне приписывается признак «голый/пустынный»:

Der kahle Mond verstört die Nacht.
(Jakob van Hoddis, «Der Mörder»)

Интересно отметить, что данный стереотипный признак отражен в сложном слове «mondkahl» со значением «пустынный/голый как луна», которое представляет собой свернутое сравнение.

Тем самым луне путем персонификации приписываются такие оценочные субъективные свойства, как нежность, красота, доброта, приветливость, целомудрие. Луна характеризуется как «милая», «дорогая». Лунному свету приписываются признаки чистоты, мягкости и тишины. Вероятно, положительная коннотация связана с представлением о луне как о самом ярком ночном светиле.

Среди прилагательных, наделяющих луну субъективными оценочными характеристиками, отмечается употребление следующих формульных эпитетов, приписывающих светилу пассивные свойства:

matt, kraftlos:

*Ein wässriger Mond
scheint kraftlos und matt
auf reglose Körper
im sandigen Bett.*
(Udo Schmitt, «Schlaf finden (Gedankenverkehr)»)

müde:

*Eh' der müde **Mond** sich noch gelegt hat
In der Wolkenkissen Purpurlager...*
(Adolf Glassbrenner, «Die Gräfin Lotte»)

still:

Du stiller Mond, du hörst, nicht wie Verleumder lauren...
(Friedrich Hölderlin, «Die Nacht»)

Следовательно, Луне приписываются такие признаки, как усталость, вялость, спокойствие. В связи с этим интересно отметить немецкое выражение «müder Mond» (груб.), отмеченное в «Словаре немецкого разговорного языка» Х. Кюппера, которое имеет значение «вялый человек». Семантика выражения объясняется представлением о медленном движении луны [4].

В целом, использование формульных эпитетов говорит об исключительно положительной характеристике луны. Интересно отметить, что многие прилагательные, приписывающие луне субъективные оценочные свойства, используются поэтами при обращении к светилу и вводят традиционный поэтический мотив разговора с луной и ее прославления.

Традиционные поэтические формульные метафоры также представляют собой важный источник для анализа стереотипных признаков, поскольку они употребляются многими авторами и становятся литературными штампами, клише с несколько ослабленным образным элементом. Такого рода метафоры иногда относят к риторическому типу [5].

Некоторые исследователи относят данный тип метафоры к «общехудожественным» средствам выразительности и говорят об отсутствии реального критерия разграничения между общехудожественным и общезыковым тропом [6. С. 108]. Данное положение подтверждает анализ публицистических текстов, в которых отмечается использование одинаковых формульных эпитетов и метафор, характеризующих луну. Это, в свою очередь, свидетельствует об общезыковой открытости поэтического языка.

Традиционный характер уподобления светила и его света тем или иным предметам действительности говорит о закреплённости определенных образных характеристик в общественном сознании. Вследствие этого они получают стереотипный статус. Поэтические тексты свидетельствуют о том, что авторы охотно прибегают к номинативной метафоре для персонификации светила. В рамках метафорической модели переноса «человек → луна/лунный свет» отмечаются следующие типичные случаи сравнения светила с человеком. Луна сравнивается с девушкой:

*Mädchen — Mondlicht meiner Seele!
Holdes, reines Liebesbild!* (обращение к луне)
(Arnold Schlönbach, «Mondes Liebe»)

*Nicht in Gold und nicht in Seide
Wirst du dieses Mädchen sehn...*
(Karl Enslin, «Guter Mond, du gehst so stille»)

*Süßes Mondlicht meiner Nächte,
Mädchen, bist du mir!* (обращение к луне)
(Lenau, «Das Mondlicht»)

Это можно объяснить тем, что луна в древности считалась символом женского начала, что отражено в древнегреческом и древнеримском пантеоне. На сегодняшний момент является спорным, в каком объеме данная ассоциация в немецкой ЯКМ дошла до наших дней, так как восприятие светила в немецком языке опосредовано грамматическим родом существительного. Современный поэтический материал свидетельствует о сохранении древней традиции отождествления светила с женщиной. Ввиду этого существует необходимость в проведении психолингвистического экспериментального исследования, результатом которого будет служить ответ на вопрос о статусе данной ассоциации. На наш взгляд, данная ассоциация не может функционировать лишь в качестве реликта, являясь следствием консервирующей функции языка, которая заключается в фиксации и хранении всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире.

Представленная выше традиция отражена в сравнении Луны с Богородицей: *Du milder Mond in den wilden Nächten der Völker, wir begehren den Frieden...* [7]. Вероятно, данный троп восходит к языческому представлению о женщине — богине луны. Возможной основой для ассоциации является также традиционно изображаемое одеяние небесного цвета Богородицы.

Интересно отметить, что данная метафора соотносится с упомянутым стереотипным признаком «целомудренный». В поэзии отмечаются также случаи определения существительного «der Mond» прилагательным «heilig»:

*Blumen der Erde, heiliger Mond,
Freundliche Nacht, wie liebt' ich euch...*
(Ernst Moritz Arndt, «Leben»)

*Heiliger, keuscher Mond!
Sieh herab auf meine Leiden!
Habe Mitleid, und erbarm dich meiner!*
(Johann Martin Miller, «An den Mond»)

О сохранении ассоциации луны с женщиной свидетельствует также следующий пример, где красота любимой сравнивается с лунным светом:

*Du leuchtest so hell wie der Mond in der Nacht.
Erhellst die Welt in voller Pracht.*
(«Sehnsucht»)

Пример также иллюстрирует эталонность свойства яркости луны. Это отражено в устойчивом словосочетании «hell wie der Mond sein».

Однако стоит сказать, что в большинстве случаев олицетворения луна сравнивается с существительными мужского рода, что связано с грамматическим родом существительного «der Mond». Луна сравнивается с другом:

Du entfliehst? Eile nicht, bleib, Gedankenfreund! (обращение к луне)
(Friedrich Gottlieb Klopstock, «Die Frühen Gräber»)

*O, Mond, du bist mir wie ein später Freund,
Der seine Jugend dem Verarmten eint...*
(Annette von Droste-Hülshoff, «Mondesaufgang»)

Луна ассоциируется со спутником. Наиболее частотным в общезыковом плане является использование существительного «der Begleiter»:

Dennoch, du alter, treuer Begleiter der Erde... (обращение к луне)
(Ferdinand von Saar, «An den Mond»)

В поэзии встречается также употребление существительного «der Gefährte», которое относится к возвышенному стилю и имеет значение «лицо, связанное с кем-либо дружбой или равными жизненными обстоятельствами; (сопровождающий) друг, товарищ» [8]:

*Willkommen, o silberner Mond,
Schöner, stiller Gefährte der Nacht!*
(Friedrich Gottlieb Klopstock, «Die Frühen Gräber»)

*Giebt's denn, du Nachtgefährte,
Bei dir auch so viel Qual...* (обращение к луне)
(Christian Friedrich Daniel Schubart, «An den Mond»)

Анализ случаев олицетворения показал, что в немецком языке присутствует ассоциация луны с девушкой/женщиной, что, в свою очередь, восходит к представлениям древности. В остальных случаях луна ассоциируется с человеком, связанным с лирическим героем отношениями особой близости, что свидетельствует о положительной коннотации.

Таким образом, наличие определенного набора традиционных образных средств в немецкой поэзии свидетельствует об их чрезвычайной значимости в плане передачи характеристики стереотипа луны. Воспроизводимый характер тропов говорит о необходимости включения текстологического анализа в число показателей, верифицирующих объем стереотипа. Экспликация стереотипных признаков нередко обладает определенной жанрово-стилистической ориентацией, которая может быть сопряжена с той или иной точкой зрения, типом мышления, системой ценностей и отношением к предмету. Вследствие этого в некоторых случаях представляется необходимым выйти за пределы анализа исключительно структурно-языковых фактов, зафиксированных в лексикографических источниках. С этой точки зрения формульные поэтические средства, ввиду своего статуса, являются максимально объективными показателями стереотипной характеристики предмета.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бартминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. — М.: Индрик, 2005.
- [2] Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959.
- [3] Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в поэтике // Проблемы структурной лингвистики 1985—1987. — М.: Наука, 1989.

- [4] *Küpper H.* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. — Digitale Bibliothek 36 (CD).
- [5] Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. — М.: Флинта, 2007.
- [6] Очерки истории языка русской поэзии 20 века: Образные средства поэтического языка и их трансформация. — М.: Наука, 1995.
- [7] Litanei zur Königin des Friedens. URL: www.lyskirchen.de
- [8] Duden. — Universalwörterbuch, Mannheim: Dudenverlag, 2001.

STEREOTYPE NOTIONS OF THE MOON IN THE LANGUAGE OF THE GERMAN POETRY

D.S. Trynkov

Department of German linguistics
Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119991

The article is devoted to the analysis of the German stereotype of the moon in the language of the German poetry. The stereotype characteristic is verified in consequence of the analysis of some traditional poetical figurative meanings.

Key words: language stereotype, language mentality, repeatability, formulaic figurative means, epithet, metaphor.